

Российское общество в контексте тенденций мирового общественного развития¹

Т.Ю. СИДОРИНА*

*Татьяна Юрьевна Сидорина – доктор философских наук, профессор, факультет гуманитарных наук, НИУ ВШГЭ. Адрес: 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4, офис 407. E-mail: tsidorina@hse.ru

Цитирование: Сидорина Т.Ю. (2017) Российское общество в контексте тенденций мирового общественного развития // Мир России. Т. 26. № 2. С. 128–153

В XX столетии была сформирована система теоретических подходов к трактовке происходящих социальных процессов. Созданию этих теорий предшествовала длинная череда попыток понять, что представляет собой общественно-историческое развитие. Мыслители прошлого связывали тенденции мирового развития с идеями циклического, поступательного (линейного) хода истории, обращались с многовариантной концепции развития. В XX веке был выработан волновой подход, предполагавший возможность оценки неопределенности социального развития.

Взяв за основу корпус известных подходов, а также концепции, предложенные социальными теоретиками и экономистами XX века (теория постиндустриального общества, теория глобализации, миро-системный анализ, теория общества риска, зависимости от предшествовавшего развития и др.), мы обращаемся к рассмотрению основных тенденций, определяющих современную ситуацию в мире: к оценке итогов развития общества в XX столетии, к результатам и последствиям постиндустриального перехода, глобализации, неолиберальной экономической политики.

Ведущие зарубежные и российские исследователи зачастую выражают амбивалентное отношение к итогам общественного развития в XX веке. Мы предлагаем проанализировать причины, обусловившие неудачи постиндустриальной эпохи, просчеты при разработке базовых моделей мирового развития, а также неблагоприятный исход в достижении предполагаемого идеального состояния, обещанного теоретиками и практиками неолиберализма. Рассмотрение этих проблем определено вектором проведенного нами

¹ В данной статье использованы результаты проекта «Влияние нестабильности и неконсистентности социальных статусов групп и индивидов на человеческий потенциал и социальное благополучие россиян», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШГЭ в 2016 г.

исследования: были изучены степень соответствия перемен, происходивших в последние 20 лет в России, основным концепциям мирового развития и ответы Россия на вызовы мирового развития; проанализирован вопрос, стал ли предложенный Западом путь собственным путем России, или это всего лишь подражание.

В статье мы обращаемся к оценкам ведущих зарубежных и отечественных теоретиков, предпринявших попытку понять причины происходящего в России и мире на рубеже XX–XXI столетий.

Ключевые слова: общество, экономика, мировое развитие, риск, глобализация, неравенство, труд

Что происходит в мире? Эффективность трендов развития: что привело к неудачам западного пути

Оправдались ли надежды, связанные с постиндустриальной перспективой развития? Как мир пришел к неудачам демократии и капитализма? Почему основные социальные институты, сформированные в условиях западноевропейской демократии, приходят в упадок? Почему вырождаются либеральная идеология, рабочее движение, движение левых сил? Каковы причины деградации среднего класса и роста социального неравенства?

Философы и социальные теоретики либерального склада видят основную причину бед, постигших Европу в XX в., в забвении и отказе от классических принципов либерализма, завещанных Дж. Локком, Д. Юмом, А. Смитом, Дж. Ст. Миллем и другими защитниками правового государства, от автономии личности и свободной экономической деятельности. Уже к концу XIX в. либерализм действительно оказался в кризисной ситуации. «Начало XX века, – пишет Ю.Н. Солонин, – это время колоссального трагического испытания буржуазного либерализма и правопорядка перед лицом новых условий и вызовов современности. Ответом на них оказались мировая война и революции, в тигле которых выплавлялся металл тоталитарных политических порядков. Тоталитаризм вошел в жизнь европейского человека уже не как абстрактная идея, а как практический принцип организации общества, призванный мобилизовать весь его потенциал, все возможности ради достижения призрачной мечты господства, порядка и универсальной справедливости» [Солонин 2000, с. 50].

Кризис либерализма – естественная реакция на события Первой мировой войны, дестабилизацию в обществе, крах в экономике и промышленности, когда либеральная доктрина попадает в ряд уходящих в прошлое, не оправдавших надежды артефактов. Новая историческая ситуация требовала новых политических и экономических программ. Наряду с широким распространением социалистических, а затем и националистических идеологий и движений, отступление от принципов либерализма привело к тому, что дезориентированные массы начали поддаваться тоталитарному соблазну, а в целом ряде европейских стран установились невиданные в европейской истории Нового времени диктаторские режимы.

На рубеже XX–XXI вв. ситуация усугубляется: в кризисном положении оказываются не только ценности либеральной демократии, но сам либеральный

капитализм. Среди неудач современной эпохи – кризис основных социальных институтов, рост неравенства и изменение его качества, угроза демонтажа государства всеобщего благосостояния, кризис сферы труда и занятости, обусловленный процессом деиндустриализации, спад рабочего движения, утрата творческого потенциала интеллектуальной элиты общества (среднего класса), появление новых социальных образований («отбракованных», как их называет У. Бек, людей риска в обществе риска и неопределенности). Перечисленное не исчерпывает всего спектра последствий, кардинально перекроивших социальный и политический ландшафт европейского и североатлантического континентов во второй половине XX – начале XXI столетия.

Кризис либерализма и демократии

Американский социолог, один из основателей миро-системного анализа Иммануил Валлерстайн называет несколько обстоятельств, которые обуславливают ситуацию в мире. Первое из них связано с глубоким и повсеместным разочарованием в «старых левых», к которым социолог относит не только коммунистические, но и социал-демократические партии, а также национально-освободительные движения. Второе заключается в массированном наступлении на контроль над движением капитала и товаров, предполагающем также и демонтаж государства благосостояния, в чем современные западные исследователи видят проявление неолиберализма. Третье обстоятельство, выделяемое социологом, сводится к постоянно растущей экономической, социальной и демографической поляризации миро-системы, которая может лишь усугубиться по мере наступления неолибералов [Валлерстайн 2003, с. 134].

Очевидно, что характер происходящего в мире И. Валлерстайн связывает с активным наступлением неолиберализма². «Неолиберальная волна, – пишет он, – поднялась на глубоко ложной риторике, касающейся глобализации. Риторика эта обманчива потому, что нынешние экономические реалии отнюдь не новы (как не новы и вызовы, порождаемые конкуренцией между компаниями на миро-

² Термин «неолиберализм» получил широкое распространение как в социальной и политической публицистике, так и научной литературе в России последовавших после перестройки десятилетий. Характерно, что часто трактовку неолиберальной экономической политики распространяют на понимание либерализма в целом, придавая этой ведущей мировой идеологии в основном негативный характер. В настоящее время в научной академической среде подобное терминологическое смешение практически не допускается. Мы подробно останавливались на этом вопросе в статьях: Социальная политика в обществе вертикального контракта // Мир России. 2007. № 2; Истоки кризиса либерализма по-русски // Свободная мысль. 2008. № 1 (1584) и других публикациях. В данной статье мы обращаемся к термину «неолиберализм» в контексте его трактовки, предлагаемой как ведущими западными социальными теоретиками, так и отечественными исследователями, которые, в принципе, совпадают. Так, неолиберализм определяется как «идеология и модель политики, которая подчеркивает значение свободной рыночной конкуренции. Хотя существуют значительные дебаты относительно определяющих особенностей неолиберальной мысли и практики, она чаще всего ассоциируется с принципом невмешательства в экономику (*laissez-faire economics*). В частности, неолиберализм часто характеризуется с точки зрения его веры в устойчивый экономический рост в качестве средства для достижения прогресса человечества, его уверенность в свободных рынках как наиболее эффективное распределение ресурсов, его акцент на минимальном вмешательстве государства в экономические и социальные вопросы, его приверженность к свободе торговли и капитала» [<https://www.britannica.com/topic/neoliberalism>]. Доминирующей формой глобализации сегодня называют неолиберальную глобализацию (<https://www.britannica.com/event/antiglobalization#ref1180923>).

вом рынке), но их мнимая новизна используется для оправдания отказа от одной из исторических уступок либералов – от государства благосостояния <...>. Неолиберализм нельзя считать новой разновидностью либерализма. Он перенял лишь название» [Валлерстайн 2003, с. 134].

Несмотря на то, что благодаря усилиям демократов поддерживаются достижения политики государства благосостояния, «лучшие дни либералов уже позади. Сегодня нам угрожает пришествие тех, кто не хочет ни компетентности, ни инкорпорированности; иначе говоря, перед нами открывается перспектива худшего из миров» [Валлерстайн 2003, с. 141].

Экспансия неолиберального курса

Какие обстоятельства способствовали тому, что после холодной войны неолиберальная глобализация стала не только влиятельной, но и решающей нормативной и политической силой в мировой политике? Этим вопросом задается немецкий социолог и политический философ У. Бек. В его трактовке неолиберализм заявил о себе как о всемирной квазипартии, которая распространяет свое влияние внутри разных национальных партий и на различных политических аренах, претендуя при этом на представление и защиту глобальных ценностей, а не интересов экономики. Невероятная мощь неолиберального режима, согласно У. Беку, во многом обусловлена тем, что его нормы учреждаются в глобальном масштабе. «Соблазн неолиберализма, – пишет он, – заключается в двойном импульсе: во-первых, в обещании наградить за открытость миру богатством; во-вторых, укрепить транснациональные институты и организации, т.е. установить транснациональный миропорядок глобальной эпохи» [Бек 2007, с. 125]. Очевиден утопический характер подобных обещаний. Прежде всего это касается перспективы освобождения миллионов людей во всем мире от оков нищеты.

Особенность настоящего времени, согласно У. Беку, состоит в том, что неолиберализм становится единой всемирной идеологией, которая оказывается «поверх всех партий и национальных границ <...>. Неолиберализм правит не только на уровне менеджмента мировых концернов и в глобальных экономических организациях вроде Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. Он действует и доминирует также внутри национальных партий, парламентов и правительств. Это проявляется хотя бы в том, что межпартийные противоречия повсеместно слиты с ключевыми вопросами экономики, рынка труда, образования, с политикой социального государства. В этом смысле самые разные партии превратились в ответвления одной политической идеологии – идеологии неолиберализма» [Бек 2007, с. 124].

У. Бек пишет о том, что обещания неолиберализма можно оценивать, скорее, как «самораскрутку», нежели принимать их на веру. «Неолиберализм как новая экономическая политика, как глобальная политика реформ борется за мир без границ – не для труда, а для капитала» [Бек 2007, с. 125].

Что касается реальных достижений неолиберальной экономической политики, то их социолог видит в проявлении нестабильности ее результатов, среди которых:

- финансовая нестабильность, форсируемая экономическим обществом риска;
- безработица, неполная занятость, новые формы роста безработицы;
- рост неравенства и нищеты внутри обществ и между обществами, что в свою очередь порождает многообразные социальные и политические конфликты, проблемы и риски;
- расширение списка грозящих глобальных катастроф окружающей среды и технологических рисков;
- сокращение налоговых поступлений и проблема налогообложения территориально связанных правительств по отношению к транснациональным хозяйственным акторам;
- трудности национального и глобального финансирования общественного благосостояния;
- повсеместно проявляющиеся противоречия между свободой и капитализмом, демократией и рынком [Beck, Willms 2000; Бек 2007, с. 125].

А пресловутое «триединство дерегулирования, либерализации и приватизации» уже давно не вселяет надежды на исполнение пророчеств о светлом неолиберальном будущем.

Успехи и риски глобализации

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц обращается к итогам глобализации, оценивает положительные и негативные результаты этого процесса, охватившего человечество в XX столетии. «Сегодня на глобализацию сыплются обвинения со всех концов света, – пишет исследователь. – Существует разочарование глобализацией, и это справедливо. Глобализация может быть доброй силой: глобализация идей демократии и гражданского общества изменила ход мыслей людей, возникли глобальные политические движения, которые привели к смягчению долгового бремени и договору о противоположных минах. Глобализация помогла сотням миллионов людей поднять свой жизненный уровень выше, чем они сами или большинство экономистов могли себе представить в недавнем прошлом. Глобализация экономики оказалась выгодной странам, которые ею воспользовались для выхода со своим экспортом на новые рынки и обеспечили условия для притока иностранных инвестиций. Но даже если это так, наибольшие выгоды получили те страны, которые взяли свою судьбу в собственные руки и осознали роль, которую государство может сыграть в развитии, вместо того чтобы положиться на саморегулирующийся рынок, который выдвигает свои собственные проблемы» [Стиглиц 2003, с. 249].

Однако при всех позитивных результатах глобализации мы не можем не видеть ее негативные последствия. В условиях глобализации жизнь миллионов людей становится хуже и прежде всего это связано с ликвидацией значительного числа рабочих мест, ростом нестабильности жизни в современном социуме. Разрушаются привычные скрепы демократического мироустройства; государство, законность, культура утрачивают привычные очертания; контролировать происходящее становится все сложнее.

В свою очередь У. Бек связывает с эпохой глобальности грядущий конец национального государства и демократии. Особенно ощутимо это сказывается на странах с социально ориентированной экономикой. С одной стороны, с ростом давления мирового рынка все больше ставится под сомнение возможность государственного финансирования социальных программ, с другой стороны, снижаются доходы от налогов на наемный труд и происходит глобализация прибылей транснациональных компаний [Бек 2001, с. 10–12].

Характеристика современной эпохи (оценки российских исследователей)

Российские исследователи (социологи, политологи, экономисты) также обеспокоены результатами мирового развития в условиях глобализации и нелиберальной экономической идеологии. По многим позициям мнения российских ученых совпадают с суждениями зарубежных авторов.

Российский экономист и политолог М.Г. Делягин представил обобщающую характеристику ситуации в мире капитализма: «Глобализация и порождаемый ею кризис мировой экономики качественно усиливают несправедливость общественного устройства. Неравенство переходит в беспрецедентную социальную поляризацию, монополизм уничтожает конкуренцию и лишает возможности прогресса целые народы, уровень жизни даже в развитых странах резко снижается на глазах нынешнего поколения, “средний класс” размывается и беднеет, социальные гарантии отменяются, глобальные монополии уже без всякого стеснения контролируют правительства и правят народами в своих интересах, опираясь на ложь и репрессии. Террор и обман стали нормой не только внешней, но и внутренней политики развитых “демократических” стран. Даже в экономически успешных странах вместо еще недавно воспеваемого “креативного класса”, с которым связывались надежды на обретение новой социальной гармонии, растет слой “нового опасного класса” – так называемого прекариата, лишённого всякой уверенности в завтрашнем дне и жизненных перспектив. Капитализм наглядно исчерпал себя и находится в тупике» [Перспективы левой идеи 2012, с. 139].

Теоретик и публицист *левого фланга общественной мысли* А.В. Бугалин высказал предположение, что во многих странах Западной Европы «поздний капитализм меняет свои формы и дрейфует в сторону нового этапа своей инволюции <...> попятного реверсивного исторического движения. То, что мы называли нелиберальной глобализацией, пока сохраняется как господствующее явление» [Перспективы левой идеи 2012, с. 140].

Характерной чертой инволюции А.В. Бугалин называет тенденцию к созданию протоимперий: «Сегодня сращенные глобальный капитал и глобальная государственная номенклатура становятся, как ни странно, национальными или регионально ориентированными, становятся актором, создающим новые протоимперские образования <...>. И это на самом деле – закономерная реакция, напоминающая то, что Маркс и Энгельс в “Манифесте Коммунистической партии” называли феодальным социализмом. Ситуация, когда общественный строй заходит в тупик и прошлое становится альтернативой в отсутствие очевидной

прогрессивной линии» [Перспективы левой идеи 2012, с. 141]³. На вопрос «куда мы идем: вперед к “обществу знания” и развитию человеческой личности или назад к средневековью и феодализму» А.В. Бузгалин отвечает: «тренд к феодализму более вероятен» [Перспективы левой идеи 2012, с. 142].

Молдавский политик и ученый М.Е Ткачук заявляет, что капитализм и постиндустриальный диагноз современности доказали свою несостоятельность⁴, которая выражается в том, что «наступившая эра <...> явно не отвечает оптимистическим ожиданиям своих знаменитых пророков <...>. Постиндустриальный мир оказался – в сравнении со своим кроваво-неказистым индустриальным предтечей – миром, в котором принципиально больше бедности, больше несправедливости и, что особенно важно, ощутимо меньше демократии» [Ткачук 2015, с. 7]. Парадоксальность складывающейся ситуации заключается в том, что последствием ожидаемой постиндустриальной нерыночности становится не желанная преодоленность прошлой фазы развития, а, скорее, деиндустриальности, а чем-то и доиндустриальности. «При всей визуальной изменчивости и динамичности, – пишет М.Е. Ткачук, – общества XXI века начнут принимать свойства и признаки организмов, утративших самое главное смысловое приобретение последних двух с половиной тысячелетий письменной истории – *представление о будущем времени*. Что социальные структуры современных обществ начнут удивлять появлением и утверждением институтов напрочь забытого прошлого, часто весьма архаических» [Ткачук 2015, с. 7].

Оценивая перспективы неолиберализма, М.Е Ткачук говорит о нем как о форме современности без будущего. Идея поступательного (линейного) восприятия времени предполагала проектное видение мира, когда исторический путь освещала перспектива грядущего рая: «У либерализма был свой рай в перспективе – общество потребления» [Ткачук 2015, с. 8–9].

Можно сказать, что в XX столетии перспективу общества потребления странам с социально-ориентированной экономикой реализовать все же удалось, однако государство всеобщего благосостояния (как и иные утопические по своей сути проекты) пережило в последней трети прошлого столетия череду кризисов и ныне находится в условиях сокращения социальных расходов с угрозой последующего демонтажа [Сидорина 2013]. Сегодня не только линейная перспектива общественного развития не выдерживает критики: само обращение к политике демократии благосостояния оценивается не как социальное благо, а как временная мера,

³ «Так возник феодальный социализм: наполовину похоронная песнь – наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого – наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории. Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее задку старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом» [Маркс, Энгельс 1955, с. 17].

⁴ В 1960-е гг. американский социолог Дэниел Белл предложил концепцию *постиндустриального общества*, в которой обосновывал прогноз трансформации капитализма в результате прогресса науки и техники в новую социальную систему, отличную от *индустриального общества* и свободную от его противоречий (см.: Современная западная философия: Словарь. М., 2000. С. 37. Более подробно см.: [Белл 1999; Иноземцев 2000]). В современном мире имеет место одновременное сосуществование элементов традиционного, индустриального и постиндустриального общества. Приоритеты постиндустриального общества проявляют себя в странах с развитой экономикой и включают серьезные изменения экономических стратегий, изменения на рынке труда, в сфере занятости. В постиндустриальном обществе наибольшее развитие получают наукоемкие, ресурсосберегающие и информационные технологии («высокие технологии»).

обусловленная необходимостью сохранения капиталистического мира в условиях роста бедности, нестабильности экономически депрессивного социума и политического противостояния первой половины XX столетия.

Глобализация против труда

Поднявшись на волне индустриальной эпохи, труд, наряду с государством, полноправно занял место одного из основных социальных институтов, однако глобализация в корне меняет расстановку сил в обществе. Свидетельством кризиса одной из основополагающих сфер жизни общества – сферы труда – является неопределенность его роли, статуса, значимости. С одной стороны, происходят изменение трудовых практик и трансформация классической модели труда. С другой, труд все также востребован, но при этом рынок труда сокращается, и где были востребованы рабочие профессии, все больше людей оказывается без работы. Как определить в этих условиях роль труда? Как сказывается изменение роли этой базовой составляющей общественной системы на жизни человека и социума?

Выдающиеся социальные мыслители современности бьют тревогу, связывая с кризисом труда самые негативные последствия для общественного развития. У. Бек видит причины кризиса труда в мировой экономической политике неолiberaльного режима, в ее наступательном движении против основных социальных институтов, против национальной экономики и национальных государств. «Речь идет о том, – пишет У. Бек, – чтобы в новом раунде борьбы отодвинуть старого противника по имени “труд” на запасной путь истории; но также о том, чтобы одновременно заявить о расторжении договора с государством, т.е. чтобы избавиться от пут труда и государства в том виде, как они сложились в XIX и XX веках» [Бек 2001, с. 10–11].

Почему в условиях глобализации труд как базовый социальный институт становится врагом номер один современности?

Основные тренды мирового развития кардинально меняют расстановку сил в обществе (в том числе в сфере трудовых отношений и в области решения социальных проблем трудящихся). С интеграцией коммунистического блока в мировой рынок «в резкой форме заявляют о себе основные аспекты капиталистической динамики, которые “маскировались” в западном капитализме всеобщего благоденствия» [Бек 2001, с. 168].

С возникновением транснациональной экономики происходит «всемирный перedel богатства», как называет эту ситуацию У. Бек. Транснациональные организации превосходят самих себя рекордными доходами и массовым сокращением рабочих мест. «В то время как транснациональные корпорации в состоянии уклоняться от налогообложения в рамках национального государства, малым и средним предприятиям, создающим большую часть рабочих мест, приходится истекать кровью под прессом перестроившейся налоговой бюрократии. Словно в насмешку, история распорядилась таким образом, что именно те, кто оказывается в проигрыше от глобализации, в дальнейшем должны будут оплачивать все, социальное государство и функционирующую демократию, в то время как оказавшиеся в выигрыше получают сказочные прибыли и уклоняются от ответственности за грядущие судьбы демократии» [Бек 2001, с. 17–18].

В то же время противоречиями и проблемами современного рынка пытаются объяснить так называемую «вековую стагнацию» и замедление экономического роста США, активно обсуждавшееся в последнее время. Так, по версии американского экономиста Р. Гордона, «в ближайшие 25–40 лет темпы экономического роста в США будут оставаться чрезвычайно низкими – существенно ниже исторической “нормы” 2%» [Gordon 2012; Gordon (1) 2014; Gordon (2) 2014; цит. по: Капелюшников 2015, с. 113].

Он выделяет четыре «встречных ветра» (*headwinds*), которые, по его мнению, не позволят американской экономике расти так быстро, как прежде. Трудовая компонента присутствует уже в первом из «встречных ветров» – демографической ситуации, из-за которой в ближайшие десятилетия количество отработанных часов в расчете на душу населения будет продолжать снижаться [Капелюшников 2015, с. 113]. Динамику количества отработанных часов в расчете на душу населения можно представить как производное от действия четырех факторов: средней продолжительности рабочего времени занятых работников; доли занятых в экономически активном населении; уровня экономической активности трудоспособного населения; соотношения численности трудоспособного и всего населения. Изменения двух из четырех показателей, по оценке Р. Гордона, имели решающее значение: во-первых, занятые стали трудиться намного меньше (вследствие широкого распространения неполной занятости как по инициативе компаний, так и по инициативе самих работников), во-вторых, произошел сильный отток населения из сферы экономической активности, который лишь отчасти (причем в незначительной степени) был связан с возросшим охватом молодежи учебой в колледжах. В 1996–2013 гг. за счет первого фактора количество отработанных часов в расчете на душу населения ежегодно снизилось на 0,28%, за счет второго – на 0,32% [Gordon (1) 2014; цит. по: Капелюшников 2015, с. 114].

В долгосрочной перспективе Р. Гордон предполагает, что «уровень занятости вернется к своим нормальным значениям, поскольку основной причиной его снижения было временное повышение безработицы в условиях экономического кризиса» [Gordon (1) 2014; цит. по: Капелюшников 2015, с. 114]. При этом сама динамика показателей продолжительности труда занятых работников и экономической активности трудоспособного населения не представляется ему обнадеживающей [Капелюшников 2015, с. 114].

Анализируя причины происходящего, российский экономист Р. Капелюшников отмечает, что «одним из главных драйверов наблюдавшегося в США падения продолжительности рабочего времени следует считать действующую систему медицинского страхования, предполагающую предоставление медицинских страховок по месту работы индивидов. В этих условиях компании заинтересованы в переводе максимального числа работников на неполную занятость, поскольку в таком случае они освобождаются от обязанности предоставлять им медицинскую страховку» [Капелюшников 2015, с. 114]. Так, основные социальные институты становятся главной проблемой постиндустриальной неолиберальной экономики и в то же время болевой точкой глобализации. Чтобы выявить новые области прибыльного производства, глобальный капитализм обходится меньшим количеством рабочей силы и обосновывает необходимость демонтажа государства всеобщего благосостояния.

Тенденции ясны, однако остаются нерешенными вопросы: кто будет выполнять тяжелые работы в развитых странах, перенесших свои производства

в страны третьего мира? Какой поток иммигрантов для этого необходим? Как этот поток совместит себя с чужими культурными и политическими традициями? [Федотова В., Федотова Н. 2007, с. 445]. И наконец, что будет с работающим человечеством в условиях, когда «рабочая сила и представляющие ее организации – рабочие партии и профсоюзы – повсюду утрачивают свою роль на переговорах с властью и бизнесом, а также в глазах общественности. Одновременно растет число тех, кто выброшен с рынка труда и лишен шансов на материальную и социальную безопасность. В результате не только нарастает неравенство, но и драматически меняется качество социальных неравенств, поскольку все большие круги населения отбраковываются как “экономически неактивные”» [Бек 2001, с. 170].

Упадок левого движения становится еще одной приметой времени

О сворачивании левого движения пишут как зарубежные, так и отечественные исследователи. Следует напомнить, что среди обстоятельств, определяющих характер современной эпохи, И. Валлерстайн называет глубокое и повсеместное разочарование в «старых левых», которые «служили важнейшей социальной опорой либерализма, поскольку на протяжении долгого времени играли решающую роль в сдерживании “опасных” классов, требовавших демократии, поддерживая надежды (и иллюзии) относительно неизбежности прогресса» [Валлерстайн 2003, с. 135].

Деграция «старых левых» продемонстрировала их явную неспособность противостоять поляризации миро-системы, особенно во всемирном масштабе, этим воспользовались неолибералы, заявив, что данная проблема может быть решена на основе их программы.

Российские исследователи ставят вопрос об исчерпанности и бесперспективности левой идеи как таковой. Одну из причин кризиса левого движения исламский общественный деятель Г. Джемаль видит в том, что политический процесс утратил свой субъект. «<...> Левая идея <...> отказалась от идеи того, кто является субъектом власти в оптимальном социуме, то есть от диктатуры пролетариата <...>. Пролетариат не был идеальной концепцией претендующего на власть социального субъекта <...>. И тем не менее, лучше такой субъект, чем никакого вообще. С того момента, как левые сдают свои идейные позиции, с того момента, как начинают создаваться некое глобальное общество, которое якобы объединено сверху донизу концепцией некоего будущего блага, с того момента, как вырезается концепция атакующего класса, о левой идее уже можно спокойно забыть» [Перспективы левой идеи 2015, с. 156].

Проблемы социального неравенства

В XX столетии существенные изменения претерпевают все основные общественные институты. Западные исследователи пишут о противостоянии глобализации и неолиберальной экономики труду и государству: вопреки обещаниям неолибералов,

в условиях глобализации усугубляется социальное неравенство, меняется его качество, растет социальная эксклюзия, социальная структура утрачивает важные условия традиционного функционирования – долгосрочную стабильность и статусную консистентность. Наиболее отчетливо это проявляется в приобретающих массовый характер и в той или иной степени охватывающих все социальные группы процессах прекаризации, смещения социальных ролей и статусов [Lenski 1954; Hartman 1974; Ленски 2003].

У. Бек пишет о классовом кризисе в обществе Нового модерна, когда классовое деление остается в прошлом и формируется новая стратификация (если это новое, отличающееся неопределенностью, формообразование можно интерпретировать как стратификацию) [Бек 2001].

«Экономически неактивные»: новый субъект трудовых отношений

Последствия глобализации обуславливают перемены в сфере труда и производства, растет неравенство, меняется качество рабочей силы. «В обществе глобального капитализма, – констатирует У. Бек, – все больше людей – тех, кто уже сейчас в засасывающей воронке ожесточенной конкуренции способностей считаются “слабыми”, “балансирующими на грани”, “находящимися под угрозой” или “неполноценными”. К ним относятся люди без среднего образования или с неважным аттестатом зрелости, больные или инвалиды, чьи деятельностные возможности (в основном технические) – низко оцениваются по сегодняшней шкале способностей. Всем им грозит попасть на наклонную плоскость и соскользнуть в круг тех, кто отбракован в соответствии с правилами допуска» [Бек 2001, с. 168]. Бедность в этих условиях драматически возрастает и многократно фрагментируется. В конце XIX в. были введены понятия абсолютной и относительной бедности, в XXI в. ученые начали говорить о том, что различные градации бедности преломляются в двойной или транснациональной относительности бедности, при которой относительность критериев бедности обусловлена межкультурными факторами.

Наряду с бедностью изменяется и качество социальных неравенств. На сцену выходит «человеческий брак» – экономически неактивные. «Глобальный капитализм обходится все меньшим количеством рабочей силы, – пишет У. Бек. – Что это значит? Растет число тех, кто выброшен с рынка труда и лишен шансов на материальную и социальную помощь, рабочие партии и профсоюзы повсюду утрачивают свою роль на переговорах с властью и бизнесом, а также в глазах общественности» [Бек 2001, с. 168]⁵.

«Отбракованные» (как называет их социолог) – это люди, живущие в обществе риска, и сами ставшие людьми риска в условиях этого общества. В отличие от пролетариата XIX – начала XX вв., в условиях современного общества они

⁵ В современной научной литературе активно обсуждается новый субъект социальных отношений, человек риска и неопределенности – прекариат [Standing 2011; McKay 2012; Kalleberg 2009; Бобков, Вередюк, Колосова, Разумова 2014].

стремительно утрачивают влияние на ход событий, поскольку более не востребованы, и у них остается один рычаг воздействия – голое насилие⁶.

Не только появление «отбракованных», «экономически неактивных» свидетельствует об изменении качества неравенства в современном мире. Анализируя позицию У. Бека, российские исследователи В.Г. Федотова и Н.Н. Федотова отмечают, что «в новой, “рефлексивной современности” (этот термин был введен У. Бекком для характеристики современной ситуации, опирающейся преимущественно на конститутивные принципы организации – Т.С.) преобладает неравенство не столько в форме эксплуатации <...>, сколько в форме игнорирования властью и богатым слоем значительной части населения, для характеристики которой автор вводит термин “бразилизация”, обращаясь к Бразилии как характерному примеру распространения подобных отношений» [Федотова В., Федотова Н. 2007, с. 440].

Результаты своих последних исследований неравенств, обусловленных динамикой распределения рисков в условиях нарастающей глобализации, У. Бек изложил на специальной сессии XVIII Всемирного социологического конгресса, проходившего в июле 2015 г. в Йокогаме (Япония) под девизом «Сталкиваясь с неравным миром: вызовы глобальной социологии». Согласно У. Беку, необходимо «переоткрыть социальное неравенство в глобализирующемся мире», поскольку в настоящее время «мы все оказываемся в одной лодке», классовые, статусные, национальные различия теряют смысл, заменяются различиями в отношении рисков и беспокойств, или «новым социальным неравенством» [Beck 2007, с. 32]. Новые риски «делокализованы», «неисчислимы», «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека», вызванные генетическим воздействием) [Beck 2010, с. 52].

«Если в индустриальном обществе люди были ориентированы на обретение *благосостояния*, то в обществе риска – на *избежание риска*, – анализирует позицию У. Бека С.А. Кравченко, – что образует квинтэссенцию социального неравенства: внизу социальной лестницы в первом случае оказываются группы и индивиды, озабоченные бедностью, а во втором – беспокойством относительно возможных бедствий <...>. Динамика социума и, соответственно, рисков, их сущности столь велика, что ныне мы уже имеем дело, по существу, с иными – *глобальными, мировыми* реалиями риска <...>. Особенности новых рисков, характерных именно для глобализирующегося мира, обуславливают формирование принципиально нового неравенства: наверху социальной лестницы оказываются те, кто имеет возможность *инсценировать риск*, конструировать и определять его смысл» [Кравченко 2015, с. 31–32].

Средний класс утрачивает статус творца

В условиях новой, принципиально меняющейся политической и экономической ситуации существенно трансформируется и социальная структура общества. Среди последствий социальной трансформации последних десятилетий исследователи

⁶ Об этом предупреждает и Дж. Стиглиц: «Прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту, особенно когда оно ведет к социальной и политической нестабильности» [Стиглиц 2003, с. 188].

называют деградацию среднего класса, причем исчезновение среднего класса рассматривается как причина разрушения основополагающих социальных связей. Да и само понятие среднего класса зачастую отождествляется с понятием среднего слоя, для характеристики которого необходимо задействовать иные критерии, нежели креативность, творческие возможности и пр. И это весьма симптоматично, поскольку общество больше не заинтересовано в наличии креативного ядра, и средний класс утрачивает роль общественной группы, от которой зависит процветание государства. Из креативной, творческой части общества, как понимали его ученые со времен Аристотеля, средний класс превратился в потребителя, и его положение в социальной иерархии определяется не социальной значимостью, а уровнем потребительских возможностей.

«Средний класс – это не классовое определение, – отмечает Г. Джемаль. – Оно исходит из объема потребления, – причем потреблять может как вор, так и квалифицированный программист, который завтра легко может перестать быть программистом и стать членом организованной преступной группировки» [Перспективы левой идеи 2015, с. 157].

В оценке российского экономиста и политолога М.Л. Хазина «средний класс представляет собой сообщество людей с типовым потребительским поведением, причем потребительским не только в смысле товаров и услуг, но и политических услуг тоже <...>. Абсолютно точно можно сказать, что через три–пять лет феномен среднего класса исчезнет. Это означает, что классовая структура общества радикально меняется. Богатые и капиталисты никуда не денутся, а вот среднего класса больше не будет» [Перспективы левой идеи 2015, с. 153].

Вместе с тем меняется и само понятие класса. Имеет место «развал большинства социума, – отмечает Г. Джемаль, – в виде среднего класса, его обнищание и пауперизация... И нет субъекта власти. То, что средний класс развалится и уйдет куда-то вниз, ниже линии социального экватора, нам ничего не дает» [Перспективы левой идеи 2015, с. 156].

Фрагментация общества, о которой писал Э. Минджони [Mingione 1991], приводит к тому, что «сегодня человек атомизирован и может начать с научного сотрудника, стать олигархом, потом зеком, затем беглым политиком; произошла подавляющая люмпенизация большинства населения, его деклассирование <...>. Мобильное общество делает всех люмпенами, но не в лохмотьях, как говорит первоначальное значение этого слова, а люмпенами, возможно, вполне неплохо живущими. Поэтому социально-экономические характеристики, вписанность в производительные силы строго определенным образом не могут быть сегодня критериями класса» [Перспективы левой идеи 2015, с. 157].

Новые акторы глобального рынка труда

Итак, трансформируются основные структурные единицы общества:

- налицо деградация среднего класса, его «перелицовка», превращение в один из слоев общества потребления;
- рабочая сила утрачивает свое ведущее значение в мире капитала, усиливается кризис протестного движения;

- меняется качество социального неравенства, фрагментируется бедность, появляются двойная относительность и транснациональность бедности;
- возникает новый субъект социальных отношений, человек риска и неопределенности, к которому также неприменимо понятие класса.

При этом на новом глобальном рынке труда востребован новый тип работника – представители так называемого креативного класса, те, кто в условиях информационного общества работает с устными и визуальными символами [Корсани 2008; Польре 2008; Горц 2010]. Причиной расширения мирового рынка труда и спроса на подобного рода услуги стало принципиальное усовершенствование коммуникационных технологий во всем мире. «Чертежи, разработки, инструкции, визуальные и аудиосимволы, – пишет американский исследователь Р. Райх, – с каждым днем можно передавать все более быстро, все с большей точностью и все с меньшими затратами. Рост спроса влечет за собой рост доходов. Вне зависимости от того, в какой форме этот доход поступает – в виде лицензионных выплат, гонораров, заработной платы или участия в прибылях, экономической результат в основном один и тот же» [Райх 1999, с. 524].

Каково же место этих работников в социальной структуре? Станут ли они заменой среднего класса, сформируют ли новое ядро общества? Следует отметить, что новый тип специалиста востребован повсеместно, это работник эпохи глобализации, в соответствии с неолиберальной доктриной он работает на себя и для себя, отвечая за себя, свое существование и будущее, но вряд ли его можно рассматривать в качестве структурообразующего социального элемента.

Что происходит в России? Россия в контексте трендов мирового развития

Россия и модернизационный процесс

Россия в силу особенностей исторического развития если и не сразу, но оказалась вовлеченной на путь постиндустриального развития, и в то же время (опять же в силу исторической специфики и собственно зависимости от предшествовавшего развития) этот путь создал для России определенные ограничения. В результате предпринятого социально-экономического перехода страна оказалась в переломной ситуации. В то же время она достаточно активно задействована в событиях мирового масштаба и, возможно, является причиной обострения кризисной ситуации в целом.

Что происходит и как изменяется Россия в контексте происходящих в мире глобальных процессов?

В своей работе «Волны и циклы цивилизационного развития» российский политолог В.И. Пантин, рассматривая особенности модернизации в качестве процесса социального развития, высказывает несогласие с присущим многим исследователям пониманием процесса модернизации как строго линейного. «Собственные ритмы, присущие модернизационному процессу, его “приливы” и “отливы”, связанные с внутренними механизмами эволюции модернизирующегося социума, как правило,

не принимаются во внимание. <...> речь идет о том, что находящийся в процессе модернизации (уже не традиционный, но уже и не современный) социум в соответствии с внутренними закономерностями, подчиняясь определенным ритмам, переходит из одного нестабильного состояния в другое» [Пантин 2004, с. 8].

В.И. Пантин придерживается версии, что со времен Петра I российское общество и государство пережили не одну волну модернизационных трансформаций: петровскую (конца XVII – начала XVIII вв.), екатерининскую (конца XVIII в.), либерально-демократическую (времен правления Александра I и Александра II), модернизацию советского периода, наконец, современные попытки обновления. И сейчас перед Россией вновь остро стоят проблемы выбора путей и средств политических, экономических и социальных преобразований.

Одной из основных позиций в понимании происходящего является тезис о том, что при всех сомнениях в оправданности модернизационных мероприятий в России, излишней его вестернизации и пр., этот процесс не может быть повернут вспять, Россия «не может ни вернуться в исходное самобытно-традиционное состояние, изолировавшись от всего мира, ни остаться в нынешнем <...> положении, ей необходим переход к более устойчивому развитию» [Пантин 2004, с. 9–10].

Наиболее актуальной становится другая позиция, основная идея которой заключается в констатации особого культурно-исторического пути развития России. О России как об уникальной цивилизации еще более ста лет назад писал Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа». По мнению ученого, России суждена роль творчески-созидающего, отличного от Европы, культурно-исторического типа. В развитие его идеи современные исследователи высказывают предположение, что в результате многовекового взаимодействия с иными культурами, в том числе и с иными конфессиями, возникает уникальный феномен русской, затем многоэтнической российской культуры. «С середины XIX в., – пишет Н.И. Лапин, – феномен российской культуры развился <...> в современный российско-европейский тип. Многие факты позволяют заключить, что еще продолжается становление российской цивилизации как социокультурного мегасообщества» [Лапин (2) 2015, с. 5–6].

В качестве обоснования самобытности российской цивилизации предлагается трактовка модернизационного процесса в России как нелинейного и волнообразного [Пантин 2004, с. 12]. Этим, в частности, объясняется, почему России не удастся завершить модернизационный процесс, обрести стабильность, став настоящим современным обществом и государством. В этой связи делается вывод о том, что для России (в силу ее исключительной самобытности) абсолютно неприемлемы такие институты западной модернизации, как рынок, правовое государство и пр., поскольку они игнорируют сложные, противоречивые цивилизационные и культурные особенности России. Более того, как утверждает экономист Н.А. Кричевский, России «бессмысленно повторять либеральный путь, по которому развитый мир пришел к очередному кризису» [Кричевский 2014, с. 9].

Отметим, что тезис об исключительности российской цивилизации принимается далеко не всеми отечественными исследователями. Так, В.Л. Иноземцев писал: «Тяжелой социальной болезнью, свойственной всем без исключения слоям российского общества, является укорененность представлений об “исключительности” России. Это не позволяет осознать национальные интересы страны; “встроить” ее в современное сообщество наций; определить, какие задачи и на каких путях следует решать в первоочередном порядке» [Иноземцев 2007, с. 272].

Действительно, тезис об исключительности российской цивилизации, как и во времена Н.Я. Данилевского, обладает изрядной долей привлекательности для россиян. Однако с выводом об абсолютной неприемлемости для России институтов западной модернизации согласиться сложно, за исключением того, что, возможно, перечисленные институты обретут в России свою специфику. Более того, как замечает В.Л. Иноземцев, вопреки распространенному тезису о самобытности российского пути, России необходимо следовать зарекомендовавшим себя практикам западной демократии: «Несмотря на все крики о том, какие беды принесло России “копирование” западных практик и подходов, страна ни в чем не нуждается сегодня столь же сильно, как в продолжении такого копирования – причем не каких-то отдельных черт, а всей системы институтов и принципов западного типа обществ в их совокупности» [Иноземцев 2007, с. 272]. Вряд ли современное российское общество решится противостоять утвердившим свою жизнеспособность институтам и возьмется за строительство новых или предпримет прямой возврат к прошлому. Скорее можно предположить, что в условиях глобализации традиционные институты российского общества, как и западноевропейские социальные институты, претерпят некую деформацию и будут адаптированы к современным условиям.

Что же препятствует поступательному развитию российской цивилизации? Если принять позицию Н.И. Лапина о становлении российского мегасообщества, то можно заключить, что его социум (как совокупность экономических, политических и иных отношений между его членами) хотя и испытал воздействие российско-европейской культуры, «но в целом сложился далеко не адекватным ей. Процессы становления государственности и характер отношений государства и народа, общества сформировались в значительной мере под влиянием российско-азиатских практик этатизма, которые обрели характер вседозволенной авторитарности и распространились не только на отношения власти-собственности, но на всю совокупность общественных отношений на всех уровнях <...>. В конце XX в. началась новая трансформация (российского социума – Т. С.) сверху. Основным ее содержанием стало новое воссоздание вседозволенной авторитарности прежде всего в ходе приватизации государственной собственности» [Лапин (2) 2015, с. 6].

*Где же сейчас Россия:
на задворках истории или в авангарде мирового развития?*

Более 10 лет прошло после выхода в свет работы американского экономиста Дж. Стиглица «Глобализация: тревожные тенденции». Сегодня мы можем говорить не только о тревожных тенденциях развития российского общества, но и о тревожных результатах, которых становится все больше. «Редко бывает такое несоответствие между ожиданиями и реальностью, как это случилось при переходе от коммунизма к рыночной экономике, – пишет Стиглиц. – Предполагалось, что комбинация приватизации, либерализации и децентрализации быстро, в крайнем случае после короткой переходной рецессии, приведет к значительному подъему производства.

Ожидалось, что преимущества этого перехода проявятся <...> по мере того как будет заменяться старое, неэффективное оборудование и возникнет новое

поколение предпринимателей. Полная интеграция в глобальную экономику со всеми ее благами тоже наступит быстро, если не немедленно.

Эти ожидания экономического роста не осуществились, и не только в России, но и в большинстве экономик, переходивших к рынку <...>. Россия быстро трансформировалась из промышленного гиганта – первой в мире страны, спутник которой вышел на околоземную орбиту, – в экспортера природных ресурсов, в особенности нефти и газа, которые составляют сегодня половину ее экспорта <...>. Странный характер российских реформ продемонстрировал, что <...> тот эрзац-капитализм, который возник в России, не обеспечивает стимулов к созданию богатства и экономического роста, скорее, он стимулирует обдирание активов. Вместо безукоризненно работающего рыночного механизма быстрые реформы привели к Дикому Востоку, где царит хаос» [Стиглиц 2003, с. 185].

Говоря о социальных последствиях произошедшего перехода в России, Дж. Стиглиц особо указывает на рост социального неравенства, изменение его качества и эрозию социального капитала. Сегодня среди проигравших не только бедные слои, но и средний класс – наиболее креативная часть общества. «В то время как переходный период сильно увеличил число живущих в бедности и привел к процветанию небольшой кучки в верхах, наиболее сильно пострадал средний класс. Инфляция <...> смела их скудные сбережения. Заработная плата не поспевала за инфляцией, и реальные доходы упали. Сокращение государственных расходов на образование и здравоохранение разрушило их уровень жизни. Те, кто могли, эмигрировали <...>. Эти потери важны не только для тех, кто живет сегодня в России, но и своими последствиями для будущего: исторически средний класс всегда был опорой при создании общества, опирающегося на верховенство закона и демократические ценности <...>. Уровень неравенства в сегодняшней России сопоставим с самым худшим в мире, тем, что существует в латиноамериканских обществах, где он основан на полуфеодалном наследии.

Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту, особенно когда оно ведет к социальной и политической нестабильности» [Стиглиц 2003, с. 188].

Так, предприняв радикальный скачок в социальном развитии, Россия не освободилась от тенет предшествовавшего развития, что во многом определяет характер современной ситуации, сдерживая темпы модернизации.

Россия в плену у path dependence: имитация как тупик

Зависимость от предшествовавшего развития в России широко обсуждалась в академических кругах на протяжении последних полутора десятилетий [Arthur 1994; David 2000; Нуреев, Латов 2006; Аузан 2007; Эффект колеи 2014]. Одна из причин *path dependence*, по мнению В.Л. Иноземцева, в том, что «когда у вас все счастливое в прошлом, как у нас – война, космос, успешные 70-е годы и прочее, у нас идентичность обернута назад» [Иноземцев 2014].

Вместе с тем, как отмечает философ и журналист Ю.Д. Гранин, «имеет место стремление насильственного уподобления России странам “идеального

Запада”, опыт которых надо заимствовать» [Гранин 2014, с. 190]. Таким образом, Россия словно между «Сциллой и Харибдой» сохранения национальной идентичности и модернизации по западному образцу. Причем стремление к модернизации можно рассматривать как своего рода составляющую той же *path dependence*, поскольку со времен Петра I Россия стремилась и до настоящего времени тянется к вестернизации.

Почему это произошло и продолжается до сих пор? Ю.Д. Гранин пишет, что властные структуры России «находятся под обаянием унаследованных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного “линейного прогресса”, с характерным для нее использованием традиционного понятийного аппарата и устремленностью в “общее будущее” – идеальное состояние, которого будто бы достигли “цивилизованные страны”.

Но “догнать и перегнать” Запад не получается. В том числе и потому, что курс России на “модернизацию” <...> во многом имеет имитационный характер, специфика которого, помимо нежелания Кремля проводить системную модернизацию, заключается в некритическом использовании и насильственном насаждении западных моделей организации образования и науки при полном игнорировании мнения специалистов и общественности» [Гранин 2014, с. 190].

Рассуждая об ограничениях проекта модернизации, Ю.Д. Гранин обращает внимание на феодальные черты власти в России, стоящие на пути перемен. «Но, скорее всего, наши федеральная и региональные элиты, в практиках которых все больше проступают феодальные черты, особенно опасаются потери привилегий, а руководство страны – ослабления “властной вертикали”, скрепляющей асимметричную РФ. Последняя действительно до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Судя по всему, именно этого больше всего боится власть, из года в год увеличивая финансирование армии и силовых ведомств. Поэтому в обозримом будущем вряд ли стоит ждать изменения курса. Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления» [Гранин 2014, с. 198].

Свое видение причин авторитаризма в России предлагает и Н.А. Кричевский: «Значительная часть нашего общества надеется на приход “сильной руки”, эдакого просвещенного монарха, Хозяина, способного вернуть людям пусть призрачный, но порядок и, конечно, уверенность в себе. Не институты являют собой оплот государственности в России, не независимый суд или правоохранительная система, а единоначалие, хотим мы того или нет <...>. Менялись формации, на смену самодержавию пришла сначала “власть народа”, а затем “социальное государство”, но представления россиян о взаимоотношениях власти и индивидуума остались прежними: мудрому руководителю следует денно и нощно заботиться о каждом» [Кричевский 2014, с. 9].

Принятая в России ставка на авторитаризм, согласно Ю.Д. Гранину, способна дать позитивные результаты лишь при условии, что политический режим подобного рода будет «авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны, развитие образования и науки. Но именно этого и не происходит. Что же делать? Думается, прежде всего следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без

средств развития и без социальной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированные ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды <...>. Поэтому начиная с 1991 г. Россия не только не приумножила свой промышленный ресурс, но в значительной степени его растеряла <...>. В то время как, невзирая на кризисы, страны НИС (“азиатские тигры”), Бразилия, Индия, Китай и другие продолжали неуклонно двигаться по пути догоняющего развития, модернизируясь на собственной культурной основе, Россия за последние двадцать лет пережила деиндустриализацию и еще больше отстала от них» [Гранин 2014, с. 198].

Прошлое становится альтернативой

Вопрос об оценке перспективы развития страны подробно обсуждался российскими исследователями на восьмом заседании Интеллектуального клуба «Свободная мысль» под руководством экономиста М.Г. Деягина. «На наших глазах и с нашим участием, – отмечает М.Л. Хазин, – восстанавливается ситуация, которая была в начале XX века, – причем даже в худшем виде, потому что в Российской империи и в государствах Центральной Европы (Германии и Австро-Венгрии) было достаточно многочисленным крестьянство, которое могло само себя кормить <...>. Сегодня этого нет, и мы видим, что в обозримой перспективе 50–70 процентов населения этих стран лишаются источников существования. Они живут в городах, поэтому им нужно жилье – а у них нет денег, чтобы за это жилье платить. Им нужна еда – а у них нет денег, чтобы эту еду покупать. Выращивать ее они не могут – потому что, во-первых, не умеют, а во-вторых, земля частная» [Перспективы левой идеи 2015, с. 153–154].

Что ожидает Россию? А.В. Бузгалин указывает, что, несмотря на то, что идеи социальной справедливости повсеместно используются в официальной политической риторике, «реальная политика осуществляется однозначно правая с элементами феодального господства. Пресловутое “ручное управление”, военно-промышленный комплекс, иерархии, клановые структуры, вассалитет в связях государства и бизнеса – все это черты позднефеодальной структуры» [Перспективы левой идеи 2015, с. 141–142].

С одной стороны, Россия переживает период серьезного кризиса, упадка по многим направлениям социально-экономического, демографического, культурного развития. С другой стороны, она воплощает основные тенденции капиталистического автократизма. Перестроившись на пути капиталистического развития, страна поворачивает вектор развития в сторону неофеодализма с чертами, характерными прежде всего для России в ее исторической ретроспективе. Но эти же особенности общественного развития (или отставания, возвращения в прошлое) мы наблюдаем сегодня и в мире.

Заключение

Оправдались ли надежды, связанные с постиндустриальной перспективой развития, глобализацией, неолиберальной экономической политикой?

В.Л. Иноземцев отмечает: «Сегодня нельзя не признать, что теория постиндустриального общества (несмотря на сопутствующую ей в течение десятилетий обширную критику – Т.С.) стала фактически единственной социологической концепцией XX века, в полной мере подтвержденной исторической практикой. Как и было предсказано ее создателями, общество массового потребления породило сервисную экономику, а в ее рамках наиболее быстрыми темпами стал развиваться информационный сектор хозяйства <...>. Постиндустриальный мир входит в XXI век вполне автономным социальным образованием, контролирующим мировое производство технологий и сложных высокотехнологичных товаров, вполне обеспечивающим себя промышленной и сельскохозяйственной продукцией, относительно независимым от поставок энергоносителей и сырья, а также самодостаточным с точки зрения торговли и инвестиций» [*Иноземцев 2000*, с. 4, 42].

Предположим, что человечество действительно стоит на пороге постиндустриальной эпохи, однако следует признать и отдаленность этой перспективы для мира в целом. Между тем для развитых экономических стран результаты постиндустриального перехода становятся все более ощутимыми как в экономической, так и социальной сфере. В работах зарубежных и российских исследователей мы встречаем амбивалентное отношение к последствиям постиндустриального перехода и к тесно связанным с ним тенденциям неолиберального развития экономики в условиях глобализации.

Среди последствий данного пути исследователи называют кризис капитализма, либерализма и демократии, демонтаж государства всеобщего благосостояния, деградацию основных социальных институтов, кризис рабочего движения и профсоюзов, упадок рынка труда и занятости, вырождение среднего класса, рост неравенства и изменение его качества, появление новых социальных образований – отбракованных (в терминологии У. Бека, людей риска в обществе риска и неопределенности), а также новых состояний социума (нестабильность и статусная неконсистентность), вступающих в противоречие с привычными условиями жизни. Перечисленное отнюдь не исчерпывает всего спектра перемен, кардинально перекроивших социальный и политический ландшафт европейского и североатлантического континентов во второй половине XX – начале XXI столетия. Россия, пойдя по пути перемен более двадцати лет назад, оказалась вовлечена в процессы, описанные западными теоретическими моделями и концепциями, и выбор этого пути – на совести идеологов рыночного пути развития и мировых экономических структур.

Стал ли навязанный Западом путь собственным путем России, или это всего лишь имитация? Итоги прошедших двадцати с лишним лет показывают, что многие из предпринятых Россией шагов на пути социально-экономических и политических преобразований не только не способствовали успеху включения России в мировые процессы экономического развития, но и усугубили противоречия, сопровождавшие эти процессы в странах Запада. Справившись с угрозой мировой пролетаризации, не удалось остановить разрушение ключевых капиталистических институтов. Отсутствие противостояния при упадке основных ценностей (последствие кризиса рубежа XIX–XX вв.), скорее, способствовало деградации капиталистической

системы (основанной на принципах рынка и конкуренции), которая также разрушалась государством благосостояния, провоцировавшим социальное иждивенчество, ослаблявшим конкурентоспособность населения капиталистических стран.

Есть ли альтернативы этим тенденциям? Исследователи констатируют элементы регресса, тенденцию к построению капиталистического феодализма, архаизацию сознания. Особенно явно эти тенденции проявляют себя в России, в которой феодальные устои сохранялись вплоть до второй половины XIX столетия, а в первые десятилетия XX в. в ставшей советской России на 70 лет установился режим тоталитарного правления. С переходом к рыночной экономической политике демократия так и не прижилась, вследствие чего возвращение или актуализация феодализма в какой-либо из его ипостасей имеет в России очевидные предпосылки и условия.

Вспомним, что Н.Я. Данилевский предрекал российской (русско-славянской) цивилизации роль творчески-созидающего культурно-исторического типа. Причем творческий прогресс может произойти прежде всего в социально-экономической области путем создания нового и справедливого социально-экономического порядка [Пантин 2004, с. 234–235].

Всеу свое время и своя судьба. Предсказывая ведущую историческую миссию России и славянства, Н.Я. Данилевский отнюдь не утверждал, что эта миссия должна осуществиться с какой-то фатальной необходимостью [Сербиненко 2013, с. 363]. Напротив, русско-славянский тип может развиваться и достичь необычайно высоких результатов, но в равной мере и не реализовать себя, превратившись в простой этнографический материал.

Литература

- Аузан А. (2007) «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 54–60.
- Аузан А. (2014) Эффект колеи // *ПостНаука* // <https://postnauka.ru/longreads/35754>
- Бауман З. (2002) *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Бек У. (2001) *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию*. М.: Прогресс-Традиция.
- Бек У. (2007) *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М.: Прогресс-Традиция.
- Белл Д. (1999) *Грядущее постиндустриальное общество*. М.: Academia.
- Бобков В.Н., Вередюк О.В., Колосова Р.П., Разумова Т.О. (2014) *Занятость и социальная прекарнизация в России: введение в анализ*. М.: ТЕИС.
- Валлерстайн И. (2003) *Конец знакомого мира*. М.: Логос.
- Горц А. (2010) *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: ВШЭ.
- Гранин Ю.Д. (2014) Меняем «бусы» на нефть // *Свободная мысль*. № 1. С. 189–200.
- Данилевский Н.Я. (1991) *Россия и Европа*. М.: Наука.
- Иноземцев В.Л. (2000) *Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы*. Введение. М.: Логос.
- Иноземцев В.Л. (2007) *Паразитирующее государство и перспективы России в XXI веке* // *Отечественные записки*. № 6 (39). С. 262–278.
- Иноземцев В.Л. (2014) «Железный занавес» для России обернется такой катастрофой, с которой исчезновение сыра бри не сравнится // *Радиостанция «Дождь»* // https://tvrain.ru/teleshov/medvedev/ekonomist_vladislav_inozemtsev_esli_my_hotim_byt_vtorym_iranom_nikto_nam_ne_zapretit_vyjti_iz_globalnyh_protseessov-374689/

- Капелюшников Р. (2015) Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. № 5. С. 104–133.
- Кинг А., Шнайдер Б. (1991) Первая глобальная революция. М.: Прогресс-Пангея.
- Корсани А. (2008) Тотальное проникновение. Капитализм, биотехнология и неолиберализм // Политический журнал. № 2. С. 74–77.
- Кравченко С.А. (2015) Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. № 2. С. 29–38.
- Кричевский Н.А. (2014) Экономика во лжи. Прошлое, настоящее и будущее российской экономики. М.: Эксмо.
- Лапин Н.И. (1) (2015) Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. № 4. С. 3–15.
- Лапин Н.И. (2) (2015) Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть II. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. № 6. С. 3–17.
- Ленски Г. (2003) Статусная кристаллизация: неперпендикулярное измерение социального статуса // Социологический журнал. № 4. С. 126–140.
- Маркс К. Энгельс Ф. (1955) Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маяцкий М. (2009) Курорт Европа: эссе. М.: Маргинем Пресс.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2006) Что такое path dependence и как ее изучают российские экономисты // Общественные науки и современность. № 2. С. 118–129.
- Пантин В.И. (2004) Волны и циклы социального развития. М.: Наука.
- Перспективы левой идеи в постиндустриальном мире. Почему усиление несправедливости не повышает влияния левой идеи? (2015) // Свободная мысль. № 2. С. 139–168.
- Поланья К. (2002) Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя.
- Польре Б. (2008) Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. № 2. С. 66–69.
- Райх Р. (1999) Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века // Иноземцев В.Л. (ред.) Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia. С. 515–524.
- Сербиненко В.В. (2013) Русская философия XIX в. // Губин В.Д., Сидорина Т.Ю. (ред.) Философия. М.: ГЭОТАР-МЕДИА. С. 337–365.
- Сидорина Т.Ю. (2007) Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху // Общественные науки и современность. № 3. С. 32–43.
- Сидорина Т.Ю. (2013) Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М.: РГГУ.
- Солонин Ю.Н. (2000) Эрнст Юнгер: образ жизни и духа // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. С. 5–54.
- Стиглиц Дж. (2003) Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль.
- Ткачук М.Е. (2015) Грядущее прошлое или настоящее будущее? // Свободная мысль. № 2. С. 5–22.
- Тоффлер Э. (2004) Третья волна. М.: АСТ.
- Тоффлер Э. (2009) Метаморфозы власти. М.: АСТ.
- Федотова В.Г., Федотова Н.Н. (2007) Вторая великая трансформация: политические и экономические основания нашего времени // Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Прогресс-Традиция. С. 433–460.
- Фукуяма Ф. (2010) Конец истории или последний человек. М.: АСТ.
- Ханна П. (2010) Демократия или эффективность: вызов XXI века // Свободная мысль. № 8. С. 101–112.
- Юнгер Ф. (2002) Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль.
- Arthur W.B. (1994) Increasing Returns and Path Dependence in the Economy, Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press.
- Beck U., Willms J. (2000) Freiheit oder Kapitalismus, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Beck U. (2007) Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequality in a Globalizing World // British Journal of Sociology, vol. 58, no 4, pp. 679–705.
- Beck U. (2010) World at Risk, Cambridge: Polity Press.

- Castells M. (1996–1997) *The Information Ages: Economy, Society, & Culture*, L.: Blackwell Publishers.
- David P.A. (2000) Path Dependence, its Critics and the Quest for “Historical Economics” // *Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present* (eds. Garrouste P., Ioannides S.), Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 15–40.
- Gordon R.J. (2012) Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds // *National Bureau of Economic Research (NBER Working Paper)*, no 18315 // <http://www.nber.org/papers/w18315.pdf>
- Gordon R.J. (1) (2014) The Demise of U.S. Economic Growth: Restatement, Rebuttal, and Reflections // *National Bureau of Economic Research (NBER Working Paper)*, no 19895 // <http://www.nber.org/papers/w19895.pdf>
- Gordon R.J. (2) (2014) *The Turtle’s Progress: Secular Stagnation Meets the Headwinds* // *Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures* (eds. Teulings C., Baldwin R.). Centre for Economic Policy Research (CEPR), VoxEO.org eBook.
- Hartman M. (1974) On the Definition of Status Inconsistency // *American Journal of Sociology*, vol. 80, no 3, pp. 706–721.
- Kalleberg A.L. (2009) Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition // *American Sociological Review*, vol. 74, no 1, pp. 1–22.
- Lenski G. (1954) Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status // *American Sociological Review*, vol. 19, pp. 405–413.
- McKay S., Jefferys S., Paraksevpoulou A., Keles J. (2012) *Study on Precarious Work and Social Rights*, London: Working Lives Research Institute, London Metropolitan University.
- Mingione E. (1991) *Fragmented Societies. A Sociology of Economic Life beyond the Market Paradigm*, Oxford, UK: B. Blackwell.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, London, New York: Bloomsbury Academic.

Russian Society and the Trends in World Development

T. SIDORINA*

***Tatiana Sidorina** – Doctor of Science in Philosophy, Professor, the Faculty of Humanities, the School of Philosophy, Higher School of Economics. Address: office 407, 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation. E-mail: tsidoriona@hse.ru

Citation: Sidorina T. (2017) *Russian Society and the Trends in World Development. Mir Rossii*, vol. 26, no 2, pp. 128–153 (in Russian)

Abstract

Several theoretical approaches to explaining contemporary social processes were developed in the 20th century, although the story of their formation and the search for an understanding of their socio-historical development go further into the past. Past thinking revolved around the ideas of linear (uniform), cyclic or even diverging (multilinear)

courses of development. The 20th century added to this spectrum the notion of a wave-like development, which also embeds the idea of uncertainty. This article departs from the sum of these approaches (including the theory of post-industrial society, globalization theory, world systems theory, the theory of risk society, and the theory of path dependence) and attempts to evaluate their implications for defining the current trends in world development.

Experts state that there might be different interpretations of the outcomes of social development in Russia in the 20th century. What caused the successes, but most importantly the failures of the post-industrial and neoliberal era? What went wrong or missing in the deductive process of those who praised it? We address these questions more specifically by evaluating the situation in Russia over the last 20 years and matching existing theories to its unique experience. How has Russia reacted to the challenges of the modern world? Have the solutions to its problems offered by the West facilitated its own transition, or is it merely trying to imitate them without much success? The article discusses these and other related questions through an engagement with and cross-evaluation of Western and Russian scholarship.

Key words: society, economics, world development, risk, globalization, inequality, labour

References

- Arthur W.B. (1994) *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*, Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press.
- Auzan A. (2007) «Koleya» rossijskoj modernizatsii [The ‘Wheeltrack’ of Russian Modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no 6, pp. 54–60.
- Auzan A. (2014) Effekt kolei [The ‘Wheeltrack’ Effect]. *PostNauka*. Available at: <https://postnauka.ru/longreads/35754>, accessed 1 March 2017.
- Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society], Moscow: Logos.
- Beck U. (2001) *Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu* [What is Globalization?], Moscow: Progress-Traditsiya.
- Beck U. (2007) Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequality in a Globalizing World. *British Journal of Sociology*, vol. 58, no 4, pp. 679–705.
- Beck U. (2007) *Vlast’ i ee opponenty v epokhu globalizma* [Power and its Opponents in the Era of Globalization], Moscow: Progress-Traditsiya.
- Beck U. (2010) *World at Risk*, Cambridge: Polity Press.
- Beck U., Willms J. (2000) *Freiheit oder Kapitalismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Bell D. (1999) *Gryadushchee postindustrial’noe obshchestvo* [The Coming of the Post-Industrial Society], Moscow: Academia.
- Bobkov V.N., Veredyuk O.V., Kolosova R.P., Razumova T.O. (2014) *Zanyatost’ i sotsial’naya prekarizatsiya v Rossii: vvedenie v analiz* [Employment and Precarious Work in Russia: an Introductory Analysis], Moscow: TEIS.
- Castells M. (1996–1997) *The Information Ages: Economy, Society, & Culture*, L.: Blackwell Publishers.
- Corsani A. (2008) Total’noe proniknovenie. Kapitalizm, biotekhnika i neoliberalizm [Total Infiltration. Capitalism, Biotechnology and Neoliberalism]. *Politicheskij zhurnal*, no 2, pp. 74–77.
- Danilevskij N. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe], Moscow: Nauka.
- David P.A. (2000) Path Dependence, its Critics and the Quest for “Historical Economics”. *Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present* (eds. Garrouste P., Ioannides S.), Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 15–40.

- Fedotova V.G., Fedotova N.N. (2007) Vtoraya velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie osnovaniya nashego vremeni [The Second Great Transformation: the Political and Economic Foundations of Our Time]. Beck U. *Vlast' i ee opponenty v epokhu globalizma* [Power and its Opponents in the Era of Globalization], Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 433–460.
- Fukuyama F. (2010) *Konets istorii ili poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man], Moscow: AST.
- Gordon R.J. (2012) Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds. *National Bureau of Economic Research (NBER Working Paper)*, no 18315. Available at: <http://www.nber.org/papers/w18315.pdf>, accessed 1 March 2017.
- Gordon R.J. (1) (2014) The Demise of U.S. Economic Growth: Restatement, Rebuttal, and Reflections. *National Bureau of Economic Research (NBER Working Paper)*, no 19895. Available at: <http://www.nber.org/papers/w19895.pdf>, accessed 1 March 2017.
- Gordon R.J. (2) (2014) The Turtle's Progress: Secular Stagnation Meets the Headwinds. *Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures* (eds. Teulings C., Baldwin R.). Centre for Economic Policy Research (CEPR), VoxEO.org eBook.
- Gorz A. (2010) *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The Intangible. Knowledge, Value and Capital], Moscow: HSE.
- Granin Yu. (2014) Menyaem «busy» na neft' [Exchanging 'Beads' for Oil]. *Svobodnaya mysl'*, no 1, pp. 189–200.
- Hartman M. (1974) On the Definition of Status Inconsistency. *American Journal of Sociology*, vol. 80, no 3, pp. 706–721.
- Inozemtsev V.L. (2000) *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern Postindustrial Society: Nature, Contradictions, Prospects], Moscow: Logos.
- Inozemtsev V.L. (2007) Parazitiruyushchee gosudarstvo i perspektivy Rossii v XXI veke [The Parasitic State and the Prospects of Russia in the XXI century]. *Otechestvennye zapiski*, no 6 (39), pp. 262–278.
- Inozemtsev V.L. (2014) «Zheleznyj zhanaves» dlya Rossii obernetsya takoj katastrofoj, s kotoroj ischeznovenie syra bri ne sravnitsya [The New 'Iron Curtain' for Russia Promises a Catastrophe Unmatched to the Scales of Consumer Import Restrictions]. *Radio Station «Rain»*. Available at: https://tvrain.ru/teleshov/medvedev/ekonomist_vladislav_inozemtsev_esli_my_hotim_byt_vtorym_iranom_nikto_nam_ne_zapretit_vyjti_iz_globalnyh_protsesov-374689/, accessed 1 March 2017.
- Jünger F. (2002) *Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost'* [The Perfection of Technology. Dominion and Machine], Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Kalleberg A.L. (2009) Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*, vol. 74, no 1, pp. 1–22.
- Kapelyushnikov R. (2015) Ideya «vekovej stagnatsii»: tri versii [The Idea of 'Secular Stagnation': Three Versions]. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 104–133.
- Khanna P. (2010) Demokratiya ili effektivnost': vyzov XXI veka [Democracy or Efficiency: the Challenge for the XXIth Century]. *Svobodnaya mysl'*, no 8, pp. 101–112.
- King A., Schneider B. (1991) *Pervaya global'naya revolyutsiya* [The First Global Revolution], Moscow: Progress-Pangeya.
- Kravchenko S.A. (2015) Mosty, soedinyayushchie vsevozmozhnye raskoly sotsiologii radi bolee ravnogo mira [Bridges Connecting All Possible Splits of Sociology for a More Equal World]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 29–38.
- Krichevskij N. (2014) *Ekonomika vo lzhi. Proshloe, nastoyashchee i budushchee rossijskoj ekonomiki* [The Economy in Lies. The Past, Present and Future of the Russian Economy], Moscow: Eksmo.
- Lapin N.I. (1) (2015) Fundamental'nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii. Chast' I. Chelovecheskaya Tsivilizatsiya pered vyborom konfiguratsii fundamental'nykh tsennostej [The Fundamental Values of Civilizational Choice in the XXIst Century. Part I: Human Civilization and the Challenge of Changing Basic Values]. *Voprosy filosofii*, no 4, pp. 3–15.
- Lapin N.I. (2) (2015) Fundamental'nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii. Chast' II. Aksiologicheskie predposylki tsivilizatsionnogo vybora Rossii [The Fundamental Values of Civilizational Choice in the XXI Century. Part II. The Axiological Premises of Civilizational Choice in Russia]. *Voprosy filosofii*, no 6, pp. 3–17.

- Lenski G. (1954) Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status. *American Sociological Review*, vol. 19, pp. 405–413.
- Lenski G. (2003) Statusnaya kristallizatsiya: nevertikal'noe izmerenie sotsial'nogo statusa [Status Crystallization: Nonvertical Measurement of Social Status]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 4, pp. 126–140.
- Marx K., Engels F. (1955) Manifest kommunisticheskoy partii [The Communist Manifesto]. *Marks K., Ehngel's F. Sochineniya*. 2-e izd. T. 4. [Writings. Second Edition. Vol. 4.], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Mayatskij M. (2009) *Kurort Evropa: esse* [The Europe Resort: an Essay], Moscow: Marginem Press.
- McKay S., Jefferys S., Paraksevoopoulou A., Keles J. (2012) *Study on Precarious Work and Social Rights*, London: Working Lives Research Institute, London Metropolitan University.
- Mingione E. (1991) *Fragmented Societies. A Sociology of Economic Life beyond the Market Paradigm*, Oxford, UK: B. Blackwell.
- Nureev R.M., Latov Yu.V. (2006) Chto takoe path dependence i kak ee izuchayut rossijskie ekonomisty [What Path Dependence Is All About and How Russian Economists Study It]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 118–129.
- Pantin V.I. (2004) *Volny i tsikly sotsial'nogo razvitiya* [Waves and Cycles of Social Development], Moscow: Nauka.
- Paulre B. (2008) Kognitivnyj kapitalizm na marshe [Cognitive Capitalism on the March]. *Politicheskij zhurnal*, no 2, pp. 66–69.
- Perspektivy levoj idei v postindustrial'nom mire. Pochemu usilenie nespravedlivosti ne povyshaet vliyaniya levoj idei? (2015) [The Future of Left Ideas in the Postindustrial World. Why Is the Growth of Injustice Failing to Promote Left Ideas?]. *Svobodnaya mysl'*, no 2, pp. 139–169.
- Polányi K. (2002) *Velikaya transformatsiya. Politicheskije i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], Saint Petersburg: Aletejya.
- Reich R. (1999) Trud natsij. Gotovyas' k kapitalizmu XXI veka [Nation's Labor: Preparing for Capitalism in the XXIst Century]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: Antologiya* [The New Postindustrial Wave in the West] (ed. Inozemtsev V.L.), Moscow: Akademiya, pp. 515–524.
- Serbinnenko V.V. (2013) Russkaya filosofiya XIX v. [Russian Philosophy of the XIX century]. *Filosofiya* [Philosophy] (eds. Gubin V.D., Sidorina T.Yu), Moscow: GEOTAR-MEDIA, pp. 337–365.
- Sidorina T.Yu. (2007) Chelovek i ego rabota: iz proshlogo v informatsionnyu epohu [The Man and His Work: from the Past to the Information Age]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 32–43.
- Sidorina T.Yu. (2013) *Gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya: ot utopii k krizisu* [The Welfare State: from Utopia to Crisis], Moscow: RGGU.
- Solonin Yu.N. (2000) Ernst Junger: obraz zhizni i duxa [Ernst Junger: a Way of Life and Spirit]. *Yunger E. Rabochij. Gospodstvo i geshtal't* [Worker. Domination and Gestalt], pp. 5–54.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, London, New York: Bloomsbury Academic.
- Stiglitz J. (2003) *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: Disturbing Trends], Moscow: Mysl'.
- Tkachuk M. (2015) Gryadushchee proshloe ili nastoyashchee budushchee? [Upcoming Past or Present Future]. *Svobodnaya mysl'*, no 2, pp. 5–22.
- Toffler A. (2004) *Tre'ya volna* [The Third Wave], Moscow: AST.
- Toffler A. (2009) *Metamorfozy vlasti* [Metamorphosis of Power], Moscow: AST
- Wallerstein I. (2003) *Konets znakomogo mira* [The End of the World as We Know It], Moscow: Logos.